

УДК [101.1:316]:172.15

ББК 60.028.131

Д 79

В.Л. Дубровин,

соискатель кафедры философии и социологии ФГБОУ ВПО «Адыгейский государственный университет», г. Майкоп, тел.: +79262041802, e-mail: vladimir.dubrovin@gmail.com

ПАТРИОТИЗМ КАК ЦЕННОСТЬ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИАЛЬНО-РЕСУРСНОЕ ВЛИЯНИЕ

(Рецензирована)

Аннотация. Автор рассматривает влияние патриотизма на ценностные ориентации россиян в качестве индикатора отношения к государству и истории. В статье установлено, что с патриотизмом слабо связывается инструментальный активизм населения, уровень межличностного общения. Вместе с тем, делается вывод о том, что, на уровне синтеза инструментальных и фундаментальных ценностей, характеризующих активность достиженческих групп населения, патриотизм становится формулой взаимных обязательств между обществом и государством и влияет на развитие социальной самодеятельности населения.

Ключевые слова: ценностные картины, ценностные ориентации, фундаментальная ценность, инструментальная ценность, традиционный патриотизм, современный патриотизм.

V.L. Dubrovin,

Competitor of Philosophy and Sociology Department, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79262041802, e-mail: vladimir.dubrovin@gmail.com

PATRIOTISM AS VALUE IN THE RUSSIAN SOCIETY: SOCIAL AND RESOURCE INFLUENCE

Abstract. The author examines an impact of patriotism on value orientations of Russians as an indicator of the attitude to the state and history. It is established that instrumental activism of the population and level of interpersonal communication are poorly related to patriotism. At the same time, the conclusion is drawn that, patriotism becomes a formula of mutual obligations between society and the state at the level of synthesis of the instrumental and basic values characterizing activity of the achievement groups of the population, and influences development of social amateur performance of the population.

Keywords: value pictures, value orientations, basic value, instrumental value, traditional patriotism, modern patriotism.

Подчеркивая, что в российском обществе представлены в качестве доминирующих две формы патриотизма по истокам происхождения и то, что современный патриотизм как ключ к социальной и гражданской активности формируется постепенно и связан с соответствующими

структурными и социальными изменениями, в контексте данной работы целесообразно определить, что собой представляет идеальный патриотизм, в какой степени соответствует традиционным представлениям о патриоте. При этом следует отойти от схемы локализации

в тех или иных группах и говорить о наиболее востребованном типе патриотизма, который не размывает яркую выраженность и дифференцированность патриотических предпочтений, но определяется возможностью разнообразия форм патриотизма.

Можно говорить о том, что ценностные картины российского общества, представленные у россиян, соотносятся с их ценностными предпочтениями и ориентациями. Говоря о том, что степень уверенности россиян жить в более справедливом и разумно устроенном обществе колеблется возле близкого к нереализуемому идеалу состоянию (38,6%) [1; 141], можно выявить влияние, с одной стороны, веры в то, что такое общество возможно, и основывается это на усилении влияния государства в соответствии с его авторитетом в глазах россиян, и, с другой, в определенной степени скептицизма, связанного с пониманием того, что декларируемые позиции делают эту мечту наверняка осуществимой.

Говоря об этом, можно также отметить, что достижение словного консенсуса в обществе строится не на том, что возникло чувство близости со всеми социальными группами, хотя 71% россиян в значительной степени ощущают свою общность с россиянами [1; 155], более действенным оказывается фактор признания порядка, точнее, веры в необходимость порядка, после десятилетия реформаторских блужданий, а также то, что страна имеет сильного лидера. Конечно, в таком согласовании по поводу порядка и лидерства значительно влияние традиционного и государственнического патриотизма, того, что наиболее значимые периоды российской истории связывались с выдающейся исторической личностью.

Исходя из этого обстоятельства, можно говорить о том, что в ценностях российского общества

патриотизм не относится к базовым, связывается с определенным моральным состоянием личности. Учитывая то, что 32% россиян считают, что в российском обществе налицо кризис морали [2; 446], можно предположить, что патриотизм выступает как индикатор сохраняющегося морального здоровья общества, несмотря на происходящие катаклизмы. Таким образом, патриотизм выступает социально-компенсирующей ценностью, ценностью, поддерживающей достаточно высокий уровень самосознания россиян, чтобы отказаться от чувства проигравшего или аутсайдера, безнадежно отставшего от современного мира.

Таким образом, рассматривая ценностные картины, сложившиеся в российском обществе, следует отметить парадоксальность формирующих их ценностей. Об этом неоднократно говорит Ж.Т. Тоценко, отмечая, что когнитивный диссонанс присутствует в настроениях россиян укорененным образом. Речь идет о том, что, рассматривая современную ситуацию, можно говорить, что общественное сознание не воплощает в себе только позитивное, передовое и прогрессивное [3; 272]. То, что резко колеблется число тех, кто считает, что Россия рано или поздно пойдет по пути, общему для всех цивилизованных стран [3; 273], показывает, что ориентация на евразийский путь развития предусматривает включение механизма российского патриотизма.

Ценность самобытности России становится злободневной, совмещенной с пониманием особой российской духовности. Тем не менее, 35% россиян верят, что Россия станет такой же богатой и развитой страной, как страны Запада [3; 274]. Очевидно, что сочетание самобытности и богатства означает потребление примирения фундаментальных и инструментальных ценностей: фундаментальных, связанных с интерпретацией в

массовом сознании инструментальных идей всеобщего блага, разумного общества, социальной справедливости; инструментальности, направленной на личную карьеру, материальный достаток, счастливую семейную жизнь.

Отсюда – в некоторой степени формальное отношение к патриотизму, построенное на единстве в оценке великих событий, великих периодов российской истории. Кроме того, занимая срединное место в ценностной иерархии, патриотизм в своем воздействии ограничен, во-первых, тем, что россияне не руководствуются патриотизмом в обыденных стратегиях, где патриотизм определяется мерой целесообразности; во-вторых, такой «цинизм» ориентирует на то, что патриотизм в отношении государства определяется уровнем ожиданий того, что государство наведет порядок или справится с системным кризисом в стране.

Характеризуя ситуацию, в которой большинство россиян считают себя вправе устраивать свою судьбу, но системные вопросы возлагают на ответственность государства, можно говорить о недейственности патриотизма на системном уровне. В то же время, такой ввод может подвергнуться ревизии на основании того, что для большинства россиян условный консенсус значит и возможность создания условий, благоприятствующих для собственной карьеры [4]. Стабильность, порядок выглядят неотменяемыми на фоне социальных, технологических и природных катаклизмов, того, что в российском обществе ясно сформировалось ощущение необходимости сдерживания агрессий и покушения на территориальную целостность страны.

Критикуя российский патриотизм за территориальный императив, забывается, что в этом есть не только влияние ресурса исторической памяти, но и того, что в современных условиях Россия, оставаясь

богатейшей кладовой мира, обладая значительными запасами воды, плодородной земли, становится объектом вождения в условиях перенаселенности. Критики «территориального экспансионизма» российского патриотизма подчеркивают, что отвлечение немалых ресурсов на поддержание территориальной целостности или даже территориальной экспансии (как трактуется возвращение Крыма) подрывает российскую экономику и делает россиян неконкурентными в современном обществе, ограничивает расходы на образование, науку и, тем самым, снижает границы социального и интеллектуального воспроизводства.

Можно говорить о том, что такая позиция вполне согласуется с видением патриотизма как утверждением, в хорошем смысле, великой державности. Характерно, что только 5% респондентов считают необходимым добиться лидерства на постсоветском пространстве. Очевидно, что для россиян не является привлекательным проект воссоздания Советского Союза, так же как, вынеся негативный опыт из националистического взрыва в бывших советских республиках, они заметно охладели к налаживанию отношений на интеграционных процессах, руководствуясь исключительно гуманитарными или историческими соображениями.

Более важным является включение патриотизма как осознания величия российской культуры, ее природных богатств и сохранявшейся экономической мощи для того, чтобы самоопределиться на глобальном уровне. Однако нельзя считать эти позиции ориентирующими россиян на резкий спад индивидуалистических настроений. В российском обществе, как отмечал Н.И. Лапин, отчетливо прослеживается вариант синтеза инструментальных и фундаментальных ценностей [5; 624].

Разумеется, речь идет об идеальном ориентировочном типе, том, что

можно описать как влияние «литературоцентризма», идеализации патриотизма на основе уникальности русского человека и особого пути России. Вместе с тем, патриотизм является чувством, связывающим с большим миром, с обществом, родиной (на эмоциональном уровне), закрепляющемся не столько в наличии данных, идеальных для русского человека, качеств, сколько в том, что, несмотря на индивидуализм или приверженность к коллективизму, щедрость или прижимистость, патриотизм свойственен как проявление наилучших качеств в трудные для страны времена.

Инструментализация патриотизма в российском обществе происходит в двух смыслах. Во-первых, в обществе сложился консенсус, что патриотизм является наиболее действенным ресурсом адаптации к сложной внешнеполитической ситуации. Речь в данном случае идет о советско-российском типе, в котором соотнесены черты советского оптимизма и российской культурной традиции. Фактически признается, что патриотизм в рамках ценностной оси располагается на околоядерном уровне, хотя и не является фундаментальной ценностью, ориентацией на идеально-типическое состояние общества и идеальный тип личности, но свидетельствует о ярко выраженной тяге общества к социальному порядку и справедливости.

Второй смысл патриотизма состоит в том, что, несмотря на отчетливое идеологическое структурирование на полюсах политического спектра и увеличение доли идеологизированных, патриотизм не носит временный характер, определяясь как значимая ценность и для адаптантов, и для тех, кого именуют «дезадвантами». Можно говорить о том, что в иерархии базовых жизненных ценностей патриотизм не противоречит независимости, достатку или успеху, приближаясь к согласию и

законности. Современные россияне не отождествляют патриотизм с мощью государства, хотя образ сильной державы фигурирует в патриотических суждениях и оценках. В то же время нельзя считать, что российский патриотизм исчез в связи с ориентацией на индивидуальный успех. Говоря о том, что из патриотизма исчезла духовность, которая перестала быть монополией народа как целостной общности и стала прерогативой личности, можно сказать, что от патриотизма постепенно «отслаивается» то, что называлось долготерпением и непритязательностью. Однако нельзя сказать о том, что образ воина, как собирательный образ народа, заменился образом работника – частного потребителя [5; 71].

Характерно, что представители традиционного и современного патриотизма сближаются, когда речь заходит о включении факторов расширения кругозора и повышения качества жизни. Анализируя как взаимодействует патриотизм с различными составляющими ценностного комплекса, можно говорить о том, что российский патриотизм в целом не этноцентричен и не включает мистический тренд, поскольку направлен на то, чтобы Россия ушла от состояния нахождения в глубоком кризисе (в среднем 76% россиян), так как имеются исторические прецеденты, связанные с победой во Второй мировой войне (92%), и с тем, что в России сейчас существует твердая власть (65%) [6; 146].

Характерно, что отношение к патриотизму в ценностных картинах российского общества дифференцируется по критерию движения снизу, то есть патриотизм не является зависимым и неопределенным. В отличие от ситуативных чувств патриот чуть ли не интуитивно ощущает различия между патриотизмом и «непатриотизмом». Поддержка традиционных ценностей, как отмечает Н.И. Лапин, хотя и растет постепенно, но и

неуклонно: 45,7% россиян в 2002 г. по сравнению с 40,1% в 1994 г. [5; 675].

Можно вывести очевидную закономерность: количество убежденных патриотов в российском обществе не опускается ниже 40%. Такая позиция свидетельствует о том, что в обществе образовалось устойчивое патриотическое ядро, к которому примыкают по ситуации от 10% до 30% россиян, что особенно проявилось после воссоединения с Крымом. Другое дело, что в нынешних условиях ценность патриотизма в определенной степени снижается под влиянием осознания экономического отставания России. Можно говорить о том, что при установлении приоритета законности и порядка, поддержки духовной традиции, в российском обществе более ясным становится понимание того, что без инновационной прорывной экономики нельзя реализовать здоровые национальные амбиции.

Точнее, можно сказать, что экономические мечтания россиян связывают воедино образ воина и работника, поскольку воинство означает ратную, а работничество – созидательную сторону патриотизма. Важным фактором влияния патриотизма как ценности можно считать круг общения россиян. Имея в виду перемещение жизненных интересов на социальный микроуровень, первое место устойчиво занимают родственники (72%), друзья по работе 62%, устоявшийся круг старых друзей и знакомых – 61%. Такая градация свидетельствует о том, что патриотизм не является социально интимным чувством и проецирован на общность в целом, которая, однако, не подразумевает установление более тесных, консолидированных связей на социальном микроуровне.

Принимая во внимание тот факт, что патриотизм остается фундаментальной ценностью в традиционном смысле, инструментализация патриотизма происходит в

оценке современной ситуации, того, какими социально-ценностными мотивами пользуются сложившиеся социальные группы и слои. Характерно, что ориентированность на успех не отменяет значение патриотизма. Высокий социально-профессиональный статус хотя и может показывать маятник миграционных настроений, нельзя говорить о том, что в российском обществе патриотизм исчезнет по мере его осовременивания, вывода на передовые позиции интеллектуалов и профессионалов. Говоря об этом, имеется в виду, что ценность патриотизма измеряется не столько приверженностью определенному социальному слою, сколько напоминанием о том, что россияне живут в большом обществе. Это означает, что часто патриотизм играет возмещающую роль по отношению к социально-политической активности и участию и, к сожалению, может быть оправданием бездействия на уровне совместных социальных акций по благоустройству городов, экологии, помощи нуждающимся.

Другое дело, что определяя ценность патриотизма как отношение к идеальному государству и, в меньшей степени, к идеальному человеку, массовое сознание демонстрирует точку бифуркации, в которой возможен переход к современному патриотизму или ограничение в рамках воспроизводства традиционных форм патриотизма. Можно говорить о том, что оценка «как изменились качества россиян за последние годы» свидетельствует о том, что в обществе есть тревога по поводу ослабления патриотических чувств (72,9%) [6; 163].

Можно предположить, что такая отрицательная динамика фиксируется на основании уровня падения доверия к армии и церкви – традиционным патриотическим институтам. Вместе с тем, сохраняется комплекс твердой власти, дающий возможность поддерживать достаточный уровень патриотизма.

Ослабление патриотизма связывается с параметрами, присущими патриотизму советского периода: с социальной энергией, социальным оптимизмом, с готовностью участвовать в массовых политических акциях. Такая оценка не является точным индикатором, поскольку современный патриотизм расходится с манифестацией всенародного единства и имеет индикаторы, связанные с сохранением чувств привязанности к родине и уважения к государству.

Такой подход к патриотизму смещает его в сферу личного выбора. Но так как на межличностном уровне россияне в высокой степени дезинтегрированы и ограничиваются кругом родственников и знакомых, оценка человека как патриота практически исчезает. В этом смысле показательно, что сложившееся патриотическое ядро не содержит импульсов противодействия антипатриотическим настроениям. В своей активности оно достаточно, чтобы противостоять эрозии государства, не спровоцировать общество на различные цветные революции, но не сформировало последовательно позицию в отношении тех, кто не просто придерживается альтернативных взглядов на патриотизм, но и формулирует откровенно антипатриотические позиции.

Отмечая, что патриотизм в ценностной градации россиян занимает полуядерную позицию, последствиями ценностных предпочтений является отношение к патриотизму как ценности, фиксируемой в традиционном патриотизме фундаментально, а в современном – имеющим инструментальное значение. Такая ситуация может быть названа ценностно нестабильной, поскольку патриотизм, опираясь на ресурс исторической памяти, имеет значение для социального определения личности как выбор. При этом личностный выбор во многом опирается на групповые стереотипы.

Характерно, что перемещение активности россиян на социальный микроуровень определяет дрейф патриотизма в сторону модальных значений. Приписываемые патриотизму мессианизм или традиционализм, так же как и пассеизм, делают запутанным, осложняют анализ патриотизма. При этом можно выявить влияние социально-демографических факторов (образование, доходы, возраст), но, как подчеркивается, это влияние слабое [6; 143]. Данное обстоятельство связано не только с разнообразием (видами) патриотизма. Такую ситуацию можно объяснить тем, что патриотизм не дает возможности смотреть на свою страну предвзято, и в этом смысле требуется рассматривать патриотизм не по дихотомии традиционный / современный (актуалистский / пассеистский), как это делают авторы данного исследования: для российского патриота важно, чтобы социальное самочувствие имело в патриотизме оптимистический смысл.

Несмотря на то, что для ценностной картины российского общества в целом характерен достаточно однозначный консенсус относительно патриотизма, следует отметить, что ситуации, когда влияют социальные и территориальные неравенства, консенсус достигается за счет «отказа» от инструментальной ценности и представления себя как гражданина России. При этом именно наличие патриотических скреп определяет то, что российское общество испытывает себя иным по отношению к европейскому пространству. Как изменилась в связи с этим за последние десять лет картина патриотизма?

Прежде всего, следует отметить, что за эти годы ушли поколения советских патриотов. Также в реальности наблюдается достаточно противоречивый синтез традиционных (фундаментальных) и инструментальных ценностей. Это еще одно свидетельство того, что в отношении

патриотизма нельзя выделить дихотомическую пару «патриотизм – космополитизм». Понятны в этом контексте и данные исследования, которые показывают, что даже противники нынешней власти исходят из того, что если настоящая демократия невозможна без оппозиции, то существует необходимость дать шанс и противникам власти, но при соблюдении определенных условий, в частности, быть патриотами страны.

Можно говорить о том, что ценностные ориентации россиян постепенно «осовремениваются», то есть не столько потребительские, сколько достиженческие интенции приводят патриотизм в состояние патриотической мотивации: даже если человек задается вопросом «что он сделал для себя и своих родных?», тем самым повышается уровень социальной и гражданской активности. Поэтому логика социального самоограничения и социального самопожертвования приобретает эгоистический характер. Речь идет о согласии на определенный поворот к интересам общества государства, если этому правилу следует большинство населения. Иначе говоря,

патриотизм приближается к интегральным значениям, если расширит возможности инструментальной активности.

Считая, что в ценностных картинах российского общества патриотизму принадлежит статус традиционной ценности и этот статус сохраняется, несмотря на тягу к инструментальному выбору, можно с высокой степенью вероятности говорить о том, что российское общество не испытает путь космополитизации. Традиция российской самобытности слишком интересна тем, что позволяет следовать целям прогресса в европейском смысле (инновационная экономика, законность, порядок), но исключает возможность копирования формулы экстерриториальности.

Также, в качестве вывода, можно говорить о том, что наблюдаемый синтез фундаментальных и инструментальных ценностей определяет отношение к патриотизму – как ценности – в смещении от идеала к алгоритму социального взаимодействия и, особенно, как мы отмечали ранее, в инструмент взаимных ожиданий и требований общества и государства.

Примечания:

1. О чем мечтают россияне? М., 2012.
2. Горшков М.К. Российское общество как оно есть. М., 2011.
3. Новые идеи в социологии. М., 2013.
4. Посухова О.Ю. Социокультурные особенности карьерного пространства Юга России // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 2 (29). С. 207–213.
5. Общая социология. М., 2006.
6. Базовые ценности россиян. М., 2003.

References:

1. What are the Russians dreaming about? М., 2012.
2. Gorshkov M.K. The Russian society as it is. М., 2011.
3. New ideas in sociology. М., 2013.
4. Posukhova O.Yu. Socio-cultural features of the career area of Southern Russia // Bulletin of MGIMO University. 2013. No. 2 (29). P. 207–213.
5. General sociology. М., 2006.
6. The basic values of Russians. М., 2003.